

Евгений ПЕТРОСЯН: «Груша уже напоминает женщину»



Евгений АБРАМЕНКО

Один человек, большой любитель легких наркотиков, как-то звонит своей подруге и говорит: «Слушай, я достал билеты на концерт Петросяна. Он будет переодеваться в костюм груши и телефона. Мы дунем перед этим, весело будет». Приходят они на концерт. Садятся во втором ряду. Проходит час. Евгений Петросян продолжает шутить. Весь зал заливается, только наши герои в недоумении. И вот, выждав паузу, человек встает и говорит: «Евгений Ваганович, а когда вы будете переодеваться в костюм груши?» Изумленный Евгений Ваганович говорит: мне, мол, очень приятно, что в зале такие преданные мои поклонники, но этот номер я не исполняю уже пять лет. Пара в измененном состоянии сознания молча покидает зал. Занавес.

О том, что Петросян, великий и ужасный, психоделический, уморительный, чудовищный, относится к своей комической деятельности более чем серьезно, как-то не задумываешься. А он, между прочим, в своей книге «Хочу в артисты» цитирует Станиславского, Михаила Чехова и даже Бахтина. Короче, вполне основательно изучает проблему юмора.

Владислав ВЕБЕР

— Евгений Ваганович, когда мы видим моноспектакль, мы понимаем, что помимо человека, который находится на сцене, работает еще группа людей. Авторы например...

— Да, существует еще команда авторская. Я считаю, что актер не должен опираться на одного драматурга. Это создает определенную монотонность, однообразие приемов. У меня всегда команда состояла из 10—15 человек. Но при этом я всегда являюсь и соавтором. Соучастником процесса. Более того, когда я уже выступаю, может быть, не на каждом концерте, а через раз, выскакивает на ходу какая-нибудь шутка. Как она появилась — понятия не имею.

— А в быту вы часто шутите?

— Это не обязательно. Многие юмористы в жизни являются серьезными людьми. Происходит накопление энергии.

— То есть вы серьезный человек?

— Наверное да. Но бывает, что и пошутить могу.

— А вас самого легко рассмешить?

— Очень. У меня настрой радостно-оптимистичный. Марк Твен говорил, что существовали времена, когда слова «дурак» и «оптимист» не были синонимами. Ну я вот этот самый дурак.

— Скажите, а какой процент предлагаемых вам шуток вы отбраковываете?

— У меня целый шкаф забит. Когда мы с Михаилом Задорновым и Борисом Брайниным первый раз делали «Бестолковый словарь», мы расшифровали практически весь орфографический словарь. И только 30 слов вызывали в зале реакцию. То же и в других случаях. Ведь жанр сатиры и юмора — это диалог со зрителем. У смеха есть мириады оттенков. Зритель посылает вам сигналы оттенками своей реакции на конкретную мысль. Получается азбука Морзе. Он становится вашим режиссером. Таким образом, мы имеем возможность видоизменяться. К зрителю я отношусь с уважением. Я вообще очень верующий человек. Я считаю, что все, и в частности искусство, должно основываться на любви.

— Но сатира ведь недоброе искусство.

— Это вы уже говорите об отношении к объекту сатиры. Это другое дело. Но не уважать зрителя за то, что он тебя не понял, — безнравственно. Если ты считаешь, что тебя мо-

гут понять только немногие, то выступи перед элитарной аудиторией.

— А вы не пробовали сделать программу для элитарной публики?

— А мне очень просто. Я в 60-х годах был участником всех концертных вечеров всех домов интеллигенции. Это строится на чистой капусте и на иронии. Иметь успех у узкой аудитории гораздо легче.

— Широко распространено мнение, что жанр сатиры и юмора давно уже выродился...

— Тем для осмеяния сейчас видимо-невидимо. Я считаю, что юмор — это дар Божий, и не использовать его — это глупо. Я изучал юмористику разных стран. Наш народ обладает ярким юмором, живым, метафоричным. Никогда он с ним не расстанется. Это все равно что сказать: а вы знаете, предполагается, что человек перестанет дышать.

— Я имел в виду сцену.

— А, то есть со сцены уже не надо шутить?! Ну... Это глупость. Артисты будут меняться. Будут искать темы для осмеяния.

— Очевидно, вы много гастролируете. Скажите, ощущается разница между реакцией провинциальной публики и столичной?

— Вы знаете, сейчас менее ощущается. В саратовской, кажется, газете появилось интервью, которого я не давал. И я там высокопарно рассуждал о провинциальной публике и похлопывал по плечу воображаемого журналиста: мол, вы еще подтянетесь. Нет сейчас разницы. Мы смотрим одно телевидение, читаем одни газеты.

— Раньше было сложнее?

— Конечно. Например, когда вы говорите вещи, о которых зрители не в курсе... Вот я недавно выступал пе-



Образ груши, видимо, так важен для Евгения Вагановича, что он даже вынес его на обложку своей книги.



Владимир ЧИСТЯКОВ



ред русскоязычным населением Германии. Они не знают, что у нас происходит на ТВ, поэтому я сначала объясняю, а потом шучу на эту тему. Я им рассказываю: у нас появилась реклама одного йогурта со следующей фразой: "Не все йогурты одинаково полезны". Поэтому была сконструирована такая шутка — надпись на могильной плите: "Не все йогурты одинаково полезны". Они смеются, так же, как у нас. А потом я им рассказываю: вот у нас в Москве появилось много пива, хорошего, отечественного в том числе. И вот есть такая реклама: "Хорошо, когда пиво правильное. Вот "Бочкарев" — правильное пиво". И я это обы-



Елена Степаненко для Петросяна — не просто жена, а продолжение его школы.

грал: "Хорошо, когда пиво правильное. Вот водка — правильное пиво". Я должен точно знать, что мой собеседник в курсе предмета иронии.

— А есть что-то, что способно рассмешить любого человека?

— Конечно. То, в курсе чего все. Политические темы — не все, конечно, а одиозные. Но политика отошла на второй план. На первом плане сейчас простые человеческие взаимоотношения. Они способны сегодня и рассмешить, и растрогать. Последний наш спектакль с Еленой Степаненко называется "Семейные радости". Там есть такая сценка, которую написала Наташа Коростелева, — "Воскресный папа". Лена говорит голосом маленькой девочки. Она современный ребенок, папа чего-то не понимает. Люди смеются. А потом выясняется, что папа к ней по воскресеньям приходит, а здесь у нее уже другой папа. И вы знаете, я видел, как взрослые мужики плачут в зале. Это волнует. Я уже четыре года не выпускал чисто политическую программу. Хотя в моем спектакле есть такие вещи, которые сейчас ка-

жутся острыми. "Слушай, ты не боишься?" — говорят мне до сих пор.

— Евгений Ваганович, в свое время вы передевались в костюмы груши, телефона и прочих неодушевленных предметов. Как и кому пришла в голову эта почти сюрреалистическая мысль?

— Это было в начале 80-х. Тогда Михаил Николаевич Задорнов только начал работать для эстрады. И вот мы сидели и анализировали законы жанра, его пути развития, его возможности. Тогда четыре мы просто сидели и анализировали. В результате у меня родилась книжка "Хочу в артисты". И вот тогда в поисках новых форм мы набрали вот на это... А чего вас смешит?

— Да просто номер очень смешной был, вспомнилось как-то.

— При подробном анализе, при доскональном знании ремесла, все равно — все строится на интуиции. У Задорнова потрясающая интуиция. Когда мы рассуждали о театре предмета, логика определяла какие-то закономерности. Когда берешь предмет, он задает тему. Шкаф, например, не может говорить о политике.

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ

смог ее вынести из своей мастерской — в дверь не пролезала. Ему пришлось всю разбирать, в общем, комедия была. А телефон — он тоже с людьми связан, с разговорами. Он подвижный.

По крупице общими усилиями образовывалась наша школа. А когда появилась Степаненко, Задорнов с гордостью сказал: "Вот, Жень, смотри, Лена — это и есть продолжение нашей школы". С Задорновым у нас вообще взаимопонимание уникальное. Мы сидим так молча, лежит текст, который нам надо обсудить. Он говорит: "Да". Я говорю: "Да". Он говорит: "Нет...". Какие-то мулоны — это, наверное, из области сумасшествия. Это сейчас такой лаконичный творческий процесс, такое взаимопонимание, которому предшествовала огромная скрупулезная работа. Вот, например, 1987-й, мы начали открывать темы. Первыми о коммунистах заговорили мы с эстрады. О генеральном секретаре с юмором — это был нонсенс. О Ленине, о Лигачеве, о проститутках, которых считалось, у нас нет. Мы открывали темы. Мы учили многие темы на такт раньше и стали актуальными. А потом, в середине 90-х, политика должна была отойти на второй план. Но она все равно осталась. Вот в Америке разграничение тем между артистами, которое мне не нравится. Один говорит только о политике, другой — только о голубых. Разделение какое-то, как у детей лейтенанта Шмидта. Юмор — комментатор сегодняшнего дня. Он должен комментировать всю палитру. Вот меня спрашивают корреспонденты: а зрительный зал изменился? Изменился, конечно. И я изменился. Реакция не изменилась. Она не должна меняться. Зрители должны смеяться и плакать. А в результате не пожалеть о потраченном времени.

Евгений ПЕТРОСЯН

ИЗБРАННОЕ «МК-Бульваром»

НЕПЕРЕДАВАЕМЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

(Автор Андрей НОВИЧЕНКО)

На сцену выходит Е.Петросян с перебинтованной головой и носом, с костылями и гипсом на ноге.

— Наши все так быстро перенимают! В смысле шоу-бизнеса. Только у них там что-то где-то появится, глядишь — уже и у наших тут как тут.

Вот недавно по телевизору показали, что у них там новое развлечение появилось: с высокого моста вниз головой на резинке прыгать. То есть привязывают тебе к ногам длинную-длинную резинку, считают до трех и... привет родителям!.. И как-то у них там на Западе все рассчитано до миллиметра, что немного недолетает. Нет, уж если кто захочет, то буквально на полметра в реку окунается, резинка пружинит — и он тут же назад.

Я как посмотрел: самоубийцы! А диктор говорит: "Нет, никакого риска. Все просчитано до миллиметра. И главное — у вас будут непередаваемые ощущения. На всю жизнь запомните".

Я всю ночь не спал. Думаю: какие же там могут быть ощущения?! Мне с моей зарплатой можно с нашего моста и без резинок.

А тут в газете реклама: "Новый шоу-аттракцион "Американский прыжок"! — и дальше все как по телеку. Я молча собрался. Жене — ни слова. Узнает — своими руками с балкона выбросит.

Прихожу на центральный мост — точно. Народу — тьма. Подходит ко мне инструктор:

— Прыгать будете?

Я с моста глянул... Говорю:

— А у вас тут все правильно? Ничего не перепутали?

— Обижаете, — говорит, — мы — фирма серьезная. Вот мост. Вот табуретка. Внизу спасатель дежурит. С багром.

— А сколько стоит?

— Для первых десяти клиентов прыжок бесплатный. Только сто долларов за аренду моста.

— А так — бесплатно?

— А так — бесплатно.

Отдаю деньги, подходит ко мне милиционер:

— И мне пятьдесят.

— За что? — спрашиваю.

— За нарушение общественного порядка. Наши люди в полете сильно матерятся. На всю пляжную зону...



ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ

